

Уроки химии

Автор:

Ольга Ульянова

Уроки химии

Ольга Ульянова

Юля – современная молодая успешная женщина. Она колесит по свету, строит карьеру, решает семейные вопросы, влюбляется... Но вдруг наталкивается на сакральную связь между своими любовными похождениями и проблемами горячо любимого сына. Значительное место в романе отведено нетривиальным путевым заметкам героини.

Ольга Ульянова

Уроки химии

Посвящается Алёше Стелмарку – первому читателю, конструктивному критику и вдохновителю моей работы над этим романом. Спасибо за время, веру в автора и беспрестанные вопросы «А что дальше?».

I wandered lonely as a cloud

That floats on high o'er vales and hills,

When all at once I saw a crowd,

A host, of golden daffodils;

Beside the lake, beneath the trees,

Fluttering and dancing in the breeze.

W. Wordsworth «Daffodils» [1 - Нарциссы (У. Вордсворт, Перевод И. Лихачева) Печальным реял я туманом Среди долин и гор седых, Как вдруг очнулся перед станом, Толпой нарциссов золотых: Шатал и гнул их ветерок, И каждый трепетал цветок.]

Встреча первая, графство Западный Сассекс

Все началось с яблока, ну прямо как у Адама и Евы...

А вообще-то, нет – предыстория тоже была. Прежде чем прибыть в Эрандл, Западный Сассекс, к месту проведения ежегодной конференции финансистов, Юля решила попутешествовать по Северной Англии и Шотландии. В своей обычной манере – галопом по Европам – «облетела» на поездах за какие-то три дня чуть ли не половину страны.

Дарем – просто маленький городок...

Ньюкасл – город семи мостов и множества уличных часов. На одном из мостов – цветы около фотографии женщины, сбросившейся отсюда несколько месяцев назад. Судя по надписи – Юлина ровесница с разницей едва ли не в полгода...

Эдинбург – остановка на ночь и неспешное исследование наутро...

Стирлинг – «в гору бегом – с горы кувырком»[2 - Замок Стирлинг – один из древнейших и красивейших замков Шотландии – расположен на вершине потухшего вулкана.], чтобы не опоздать на следующий поезд...

Глазго – там все же опоздала на поезд, пришлось ждать следующего...

Карлайл – уже ночь, уличные фонари не горят – хоть глаз выколи, последний поезд на Кендал упустить никак нельзя, а там еще искать такси до Bowness-on-Windermere, где в пансионе Юлю ждет комната...

Lake Land, Озёрный край – завтрак в домашней атмосфере пансиона, ничего не значащий разговор с другим постояльцем, средних лет дядечкой, архитектором мостов, и – день на то, чтобы побродить по лесам и озёрам, посетить крохотный домик и могилу поэта-романтика Уильяма Уордсворта. Там же, в Грасмере – отведать местных имбирных пряников и, в довершение всего, – попасть под дождь и схватить простуду...

Ливерпуль – заселение в позднем часу буквально в притон, впрочем, удобно расположенный прямо через дорогу от железнодорожного вокзала. А утром – ах! – город простора и свежего ветра, моряков, купцов и путешественников и, конечно же, город The Beatles!..

Манчестер – ничего особенного, даже тарелок сувенирных не продают, поскольку не считают себя туристическим центром...

Так, объехав за какие-то три дня все перечисленные города и замкнув круг, Юля прибывает в конечный пункт своего маршрута, Эрандл, Западный Сассекс, что в полутора часах езды от Лондона, и, измученная дорожными впечатлениями и нарастающей простудой, впадает в забытье в номере отеля под сладкие мысли о том, что конференция проходит здесь же и завтра на улицу можно не выходить.

Назавтра – первый из трёх дней конференции. Юля зеваёт, скучает и рассматривает аудиторию. Мысленно подводит итоги своего вояжа. Поскольку он пришелся на уикенд, сувенирные тарелки для своей коллекции удалось купить далеко не везде. Ленивые англичане по выходным либо вовсе не открывают магазинов, либо закрывают их возмутительно рано. И потому Юле частенько приходилось «облизываться», взирая на вожделенную тарелку, красующуюся на витрине закрытого магазина в городе, в который она,

вероятнее всего, никогда больше не попадёт.

С общением в этот раз тоже было туго. Не в пример многим другим её путешествиям, никаких интересных людей встретить не удалось, ибо на сей раз темп Юлиных перемещений с самого начала был задан просто сумасшедший.

Нет, она ни в коем случае не считала эту поездку неудавшейся. Но, видимо, в каких-то аспектах путешествие не оправдало возлагавшихся на него ожиданий. В любом случае, Юлин принцип – «новый город – лучше нового мужчины». Хотя не исключено, что когда-нибудь она кардинально поменяет своё мнение на этот счет. Ну и нельзя удержаться от уточнения, что новый город с хорошей тарелкой на память и приятным флиртом в дополнение – и ещё того лучше.

Так, скучая, позевывая и покашливая в тряпочку (поскольку простуда развивалась своим чередом), Юля скоротала первый день конференции и по окончании послеобеденной сессии направлялась в свой номер, раздумывая на ходу, действительно ли она хочет присоединиться к фуршету, а потом и к ужину, которые последовательно должны состояться через час здесь же, в ресторане этого же самого отеля. Навстречу Юле шла полячка Ванда, с которой они сидели рядом в конференц-зале и там и познакомились. Ванда шла со стороны холла, в котором были организованы кофе-паузы, и грызла яблоко. И тут Юле так захотелось яблока!

Она спросила Ванду, не в холле ли та взяла яблоко, и есть ли там ещё. Ванда кивнула утвердительно, и Юля направилась за добычей. В холле на столе стояла большая плетёная корзина, некогда доверху наполненная фруктами. Но теперь в ней лежало всего одно-единственное, большое и красное, как на картинке, яблоко, к которому Юля и устремилась.

Еще там был он, и он наливал себе кофе из автомата, но сразу Юля не заметила его присутствия, а заметив, улыбнулась с извиняющимся видом, дескать, Вы же не собирались брать это последнее яблоко? Он улыбнулся в ответ. Они перемолвились несколькими словами – да, тоже участник конференции, меня зовут Себастиан, мне тоже очень приятно, нет, я работаю в Лондоне, занимаюсь инфраструктурными проектами – после чего немного прошлись, болтая, по коридору в сторону своих номеров.

А там, где дороги их расходились, он на минуту остановился и поинтересовался, пойдет ли Юля сегодня на фуршет и ужин, и, услышав утвердительный ответ, предложил после ужина присоединиться к предпринимаемому им с коллегами походу в паб («тут недалеко»). При этом он смотрел на Юлю так, и этот взгляд так будоражил её, что не возникало никаких сомнений: между ними возникла та самая пресловутая «химия».

Итак, вопрос о том, как провести вечер, был решен в пользу фуршета, и чуть позже официально назначенного времени Юля появилась в ресторане, где сразу же неподалеку от входа увидела Себастиана в компании коллег. Подошла к нему, как к хорошему знакомому, он представил её своей компании. С удовлетворением заметила, что в основном это были люди среднего возраста, как и сам Себастиан, или даже старше него. Молодых красивых соперниц точно не было.

Разговор был светский и ничего не значащий. Юлин новый знакомый никак не вовлекал её в общую беседу и одновременно не делал попыток отделиться с ней от группы своих товарищей. Так что через какое-то время Юля почувствовала себя не совсем в своей тарелке и отделилась одна – с тем чтобы присоединиться к Ванде и её компании, которые были и моложе, и болтали на более интересные темы.

Так прошел фуршет, плавно переходящий в ужин. Себастиан не приближался, и в какой-то момент Юля подумала, что ей всё почудилось, и не было никакой химии, и не будет никакого продолжения. Она мысленно пожала плечами, мысленно же сказала «фи!» и расслабилась в холле в компании друзей Ванды за типично английским развлечением – ребята пили пиво и смотрели футбол на большом экране, висящем под потолком.

Она и думать забыла о своем неудавшемся ухажёре, когда Себастиан появился в дверях холла и, вычислив их компанию в полумраке «кинозала», решительной походкой направился к ним. Подошел и спросил, без приветствия или вступления:

– Кто пойдет в паб? – так и спросил у всей компании, хотя, как Юля понимала, знаком был только с ней. И смотрел при этом на Юлю.

– Я пойду, – ответила она не менее решительно и поднялась.

Остальные заколебались, так как не были готовы к этой инициативе. Юля, никого не уговаривая и коротко попрощавшись, последовала за Себастианом.

На всякий случай снова допуская, что ей всё это только кажется, спросила, кто из его коллег идет с ними. Но услышав короткое «никто не захотел присоединиться», вдруг отчетливо осознала: сегодня ночью они с Себастианом будут вместе.

Они зашли каждый в свой номер за пальто и, покинув залитую светом гостиницу, побрели в темноте вдоль проезжей части на свет заправки British Petroleum, расположенной не далее чем в пятиста метрах от отеля. Напротив нее, по словам Себастиана, и располагался местный паб.

Действительно, заведение не замедлило показаться из-за поворота дороги. Это была типично английская пивная с дубовой барной стойкой в центре и двумя залами, расходящимися в разные стороны наподобие рукавов рубашки. Вероятно, один из них был пристроен позже. Недостатка в посетителях не было, поскольку в этот вечер компанию местных завсегдатаев дополняли участники конференции: тут и там были рассредоточены шумные группы их сегодняшних товарищей по аудитории.

Появление Юли и Себастиана вдвоём было отмечено несколькими оценивающими взглядами, но они мирно беседовали, делали заказ у стойки (он – пиво, Юля – столь полюбившийся ей за время путешествия по Шотландии скотч со льдом, и прости-прощай окончательно, её больное горло!), выбирали столик, рассаживались друг напротив друга. Пара ничем не давала повода для подозрений, так что пристрастный интерес к ним вскоре угас.

О чём беседуют мужчина и женщина, которые впервые встретились, нравятся друг другу и оба чувствуют, что это влечение взаимно? Обо всём, кроме своего чувства. Он рассказывал о том, чем занимается, куда ездит в командировки, упомянул, что один раз бывал даже и в России, но не в столицах, а на Сахалине, куда летал по делам, связанным с совместными нефтегазовыми проектами.

Юля же рассказывала о своей работе в банке, об особенностях российской финансовой системы, приводила какие-то сведения, которые обычно интересуют и так изумляют иностранцев – количество часовых поясов и дальность перелетов, температурный режим в различных климатических зонах, стоимость

жизни в Москве, разрыв между уровнем жизни в столице и регионах и прочая и прочая. В общем, медведи, матрешки, шапки-ушанки и балалайки. Он смотрел на неё так, как если бы она была новым Porsche, который он только что выиграл в лотерею. Ну или на худой конец – ожившей матрешкой. Ну пусть будет и с балалайкой.

Ну да, этот мужской взгляд, катализатор всех чувственных процессов, проходящих в душе женщины! Все милые дамы давно и прекрасно осведомлены, что, глядя ТАК на женщину, мужчина, в общем-то, ничего особенного не имеет в виду. Просто эта женщина нравится ему здесь и сейчас, и он искренен, он хочет обладать ею так же страстно, как любой другой игрушкой, пробуждающей его интерес и питающей его амбиции, – бизнесом, властью, да той же машиной.

И так же быстро, как и с любой другой игрушкой, которая в конце концов оказалась в его руках и которую он разобрал и понял, как работает механизм, так же быстро мужчина теряет интерес к женщине, которая ещё недавно занимала все его мысли. Такова природа мужчин, и для нас, женщин, это не является тайной за семью печатями.

Но наша женская природа – любить и принадлежать, и – да, в конце концов быть разобранными и сломанными. Если только нам не посчастливится встретить мужчину-созидателя, который смог бы, сначала аккуратно разобрав нас на винтики, вдохновенно и любовно создать лучший, более совершенный механизм.

Когда энергетика обращенного на Юлю взгляда Себастиана достигла некоего предела, она начала опасаться разоблачения окружающими. Хотя они не совершили ни одного слишком вольного движения или жеста, взгляд её визави со всей очевидностью выдавал происходящее между ними. Итак, в этот момент она решила – и это было абсолютно осознанное и умышленное действие – немного охладить его пыл и как бы вскользь упомянула своих детей.

Себастиан начал расспрашивать, удивляться: «Ах! Вы так молодо выглядите, я никогда бы не подумал, что вашему старшему сыну может быть целых тринадцать лет!» И, наконец, тоже рассказал, что его сыну – шесть с половиной, и он живет со своей матерью в Бельгии, откуда и сам Себастиан, фламандец по национальности, родом.

Что ж, теперь все (или почти все) карты были раскрыты, и это состояние полной открытости нравилось Юле гораздо больше. Никто никому ничего не должен, это главное. Вот только собеседник её как-то погрузтел, взгляд его, еще несколько минут назад столь страстный, померк, пожалуй, в большей степени, чем ей того хотелось бы.

Он отправился за новой порцией пива для себя и скотча для неё, а Юля сказала себе: «Сейчас или никогда!». «Химия» определенно продолжала своё – пагубное ли, благотворное ли – воздействие на неё.

Когда Себастиан вернулся за столик, она какое-то время продолжала ранее начатую байку об одном российском олигархе, но, собравшись с силами, вдруг произнесла:

– Прежде чем я продолжу свой рассказ об этом парне, можно я спрошу вас кое о чём?

– Конечно.

– Вы хотите провести эту ночь со мной?

Пауза, и потом он задает дурацкий – или наоборот, наиболее подходящий данной ситуации, это как посмотреть – вопрос:

– Простите? (Pardon?)

У Юли от волнения кружится голова, и она думает: «Вот идиот политкорректный! Неужели я должна сделать над собой еще одно усилие и повторить свой вопрос?»

Но она чеканит, разве что не по буквам, как учительница в начальной школе:

– Хорошо, повторяю свой вопрос. Хотите ли вы провести эту ночь со мной?

Он молчит секунду и наконец не произносит, а выдыхает:

- Да!!

Это «Да!!» на какую-то долю секунды лишает её рассудка: химическая реакция достигла своего апогея. Но многолетний опыт ведения деловых переговоров помогает Юле справиться со слабостью, и она обретает контроль над собой и ситуацией:

- Ну хорошо, теперь я, как и обещала, могу продолжить свой рассказ.

И она из последних сил, но внешне – как ни в чём не бывало, возвращается к своему прерванному повествованию о российском толстосуме. Для Себастиана это становится очередной неожиданностью, он ошеломленно моргает и слушает с минуту, а потом прерывает её:

- Как мы это сделаем?

- Сделаем – что? – Юля – сама невинность, к тому же хочет отомстить ему за «Pardon».

- Вы придёте ко мне в номер или я к вам?

- Я – нет. Вы придёте ко мне в номер. И уж там мы решим, как мы это сделаем, – Юля празднует последние минуты своего главенства над ситуацией. Ибо после близости над ситуацией всегда главенствует мужчина, и именно тогда и выясняется, насколько он влюблен и насколько он великодушен. А сейчас она хочет по максимуму насладиться своей властью, которую так скоро должна будет утратить.

Он предлагает Юле, чтобы она вышла из паба и возвращалась в отель первая, дабы не привлекать внимания. Он последует за ней и придёт к ней в номер, как договаривались. Юля покидает паб, некоторые из сидящих за столиками провожают её взглядами. Возможно, они думают, что Себастиан сделал ей непристойное предложение, и она обиделась и решила уйти. Ну что же, возможно, так оно и есть, дорогие товарищи.

Юля идёт в темноте в сторону гостиницы на ватных ногах. Она не понимает, что, собственно, такого случилось, и к чему весь сыр-бор и такие нервы, но она так

взбудоражена, что ей кажется, будто всё происходящее – нереально. «Наверное, я просто давно по-настоящему не влюблялась, – думает она. – Может быть, лет пять или больше».

Как бы то ни было, она решает идти до конца, и она идет... до конца... до отеля. Заходит в свой номер и садится на кровать. Её всю колотит, кажется, она уже не на шутку больна. У неё нет сил идти в душ, разбирать постель, чистить зубы, искать парфюм в чемодане, вообще – как-то готовиться к приходу Себастиана. Она просто тупо сидит на кровати и покачивается вперед-назад.

Ждать приходится недолго. Стук в дверь. Юля открывает и в состоянии, близком к потере чувств или бреда, тут же, в полуметре от входной двери, падает в объятия Себастиана. Проходит немало времени, прежде чем они находят в себе силы оторваться друг от друга и перебраться на постель.

Какое-то время спустя он так описывал ей чувства, испытанные им в тот вечер: «Когда ты сказала, что замужем и у тебя есть дети, я ужасно расстроился и подумал: никогда я не посмею прикоснуться к замужней женщине. Когда же ты спросила, хочу ли я переспать с тобой, я был ошеломлен. И позже, проходя по коридору к твоему номеру, я думал о том, что Господь существует и иногда он улыбается нам».

Этой же ночью, какое-то время спустя, их в постели оказалось четверо: Юлин муж и жена Себастиана незримо присутствовали с ними, потому что они с Себастианом рассказывали друг другу истории своих супружеств. Ничего необычного в этих историях не было, однако статус, в котором каждый из них пребывал на момент этой встречи, был неодинаков. Юля была крепко замужем и не допускала даже и мысли о каких-либо изменениях в этом отношении, а Себастиан был разведён, но страстно мечтал о том, чтобы жениться вторично и иметь ещё детей. К слову сказать, он был на десять лет старше Юли.

Наутро Себастиан покинул Юлин номер очень рано, чтобы не вызвать ничьих подозрений. Она же, окончательно проснувшись через час или полтора, обнаружила, что голос её пропал. Горячий чай за завтраком (в это же время Себастиан завтракал со своими коллегами в противоположном крыле ресторана) не слишком помог. Однако это не помешало Юле весь день живо, насколько это

было возможно в её бесголосом и сопливым состоянии, участвовать в дискуссиях и задавать выступающим вопросы.

Сразу после окончания вечерней сессии второго дня конференции она без сил доплелась до своего номера. Недосыпание нескольких последних дней делало своё дело. Кроме того, у Юли поднялась высокая температура и её знобило. Она выставила переключатель на батарее на максимум, после чего разделась и повалилась на кровать. Она не могла заснуть глубоко, потому что ждала Себастиана, но и бодрствовать у неё тоже не получалось. Чувство реальности полностью оставило её, и она провалилась в забытье.

Проснулась от звонка гостиничного телефона, стоящего на прикроватной тумбочке, и долго не могла понять, где находится и что необходимо сделать, чтобы этот ужасный дребезжащий звук прекратился. За окном было уже темно.

Звонил Себастиан:

- Где ты?

- У себя в номере.

- Можно мне прийти?

- Я жду тебя.

Когда он вошел, то удивился:

- Почему у тебя в номере так жарко?

- А мне - холодно.

Далее всё было, как и прошлой ночью.

Наутро он стал одеваться. Это был последний день конференции, и всем участникам предстояло выписаться из номеров еще до начала утренней сессии. Как и можно было ожидать, последовал такой диалог:

– Как часто ты бываешь в Лондоне?

– Довольно редко.

– Знаешь, когда приедешь в следующий раз?

– Нет, не знаю.

Помолчали. Она предложила:

– Давай обменяемся адресами электронной почты, – и они обменялись визитками, надписав на них адреса своих личных почтовых ящиков.

Он направился к двери, Юля не встала его проводить. Ей было плохо. То ли от болезни, то ли от того, что всё закончилось. Он вернулся и поцеловал её:

– Спасибо тебе.

– Не за что, спасибо тебе.

Она чувствовала усталость и эмоциональное истощение, и потому об итогах этого знакомства и каких-либо дальнейших шагах, если они вообще были необходимы, решила поразмыслить позже, на свежую голову.

Третий день конференции был бесцветным. Юля продолжала ощущать себя препаршивейшим образом. Себастиан сидел совсем неподалёку, и она ужасно тосковала по нему. Что чувствовал он, ей было неизвестно. Когда по завершении конференции подъехало такси, чтобы отвезти Юлю в Хитроу, Себастиана не было поблизости, чтобы они могли попрощаться. Не исключено, что он уехал в Лондон раньше, пригородным поездом.

Встреча несостоявшаяся

Вернувшись в Москву, Юля какое-то время была занята делами, накопившимися за время её отсутствия. В немалой степени это были вопросы, связанные с обучением их старшего – на тот момент тринадцатилетнего – сына в крутом физико-математическом лицее «для гениев». Ваня «тянул» учёбу с трудом по целому ряду уважительных причин. И из-за того, что ему приходилось долго добираться от дома до лицея, и из-за того, что много времени после уроков отнимали занятия бальными танцами. А почти каждые выходные необходимо было еще и ездить на танцевальные конкурсы: квалификационная книжка танцора D-класса обязывала.

Ване давно уже обрыдли эти почти ежедневные поездки через полгорода из дома в лицей, из лицея на танцы, из танцевальной студии домой, эти обеды в кафе по дороге «из точки А в точку Б» и выполнение там же, в кафе, «на коленке» домашних заданий. Алексей, Юлин муж, когда у него было время, пробовал возить Ваню на машине, но из-за московских пробок дорога занимала еще больше времени, и Ваня постоянно рисковал опоздать на занятия.

Как бы то ни было, на семейном совете (где, справедливости ради надо сказать, у сына голос был лишь совещательный, да и у Алексея тоже) было решено, что Ваня продолжит заниматься бальными танцами. Во-первых, было жаль многих «инвестированных» лет, да и средств, – вид спорта не из дешёвых. Во-вторых, неудобно перед партнёршей, милой девочкой с не менее милыми родителями. Партнёров вечно не хватает, и родители девочек готовы пылинки с них сдувать и на руках носить, лишь бы мальчики продолжали танцевать с их дочками.

Но главное – Ванины занятия танцами тешили Юлино родительское «эго». Сама она в детстве занималась музыкой, танцевать никогда не умела, но очень любила. А у Ваньки, действительно, классно получалось. Когда Юля смотрела, как сын отстукивает джайв или скользит по залу в вальсе, с прямой спиной и гордо поднятой головой, в душе её тоже зарождалась материнская гордость, да что там гордость – гордыня! Ведь это её сын уже такой взрослый и такой красавец, это её сын поднимается на пьедестал, – вы видели? – это её, её сын!

Чтобы хоть как-то подсластить Ване его действительно нелёгкую участь, Юля с Лёшей выделяли ему еженедельно довольно щедрую сумму на питание и прочие карманные расходы, чтобы мальчик, целый день находясь вне дома, ни в чём себе не отказывал. Таким образом родители покупали Ванькину лояльность, если уж называть вещи своими именами.

Да, в лицее у Ваньки дела шли неважно, но Юля была уверена, что сын справится с временными проблемами, ведь это же её сын! Тем более, что окружение у него было «что надо». Точнее, всего окружения она не видела: поскольку они жили от лица далеко, то и друзья у Вани бывали нечасто. Но, по крайней мере, самый близкий Ванин друг и одноклассник Паша был прямым олицетворением того самого «гениального ребенка», для которых, по всей видимости, лицей и создавался: мальчик умный, скромный, вежливый, из «профессорской семьи». Ну то есть, это Юля с Лёшей так говорили, несколько упрощая, поскольку Пашины родители были представителями академической среды, что ли. Как бы то ни было, Юля и её муж крепко рассчитывали на положительное влияние Паши на Ваню, что, по их мнению, в конечном счёте должно было привести и к улучшению результатов Ваниной учебы.

Но вернемся к Юлиному короткому роману. По мере того, как срочные дела уступали место важным, а важные – повседневным, тоска по Себастиану, ноющее, ни на минуту не отпускающее тягостное чувство, постепенно заволакивала её.

От Себастиана не было вестей, и недели через три после своего возвращения в Москву Юля написала сама. Ответ пришел быстро: оказывается, он, вместо домена «.ru» вычитал из её рукописного указания на визитке «.ru» (вот именно – «ну!», ну какие же они все беспомощные, эти мужики!), и его отправленное сразу же после конференции письмо не дошло до Юлиного почтового ящика.

Так началась их нескончаемая, почти ежедневная переписка. По мере того, как новости, о которых интересно было писать и читать, иссякали, тематика их писем друг другу сдвигалась в область чувств и эмоций, а сами послания становились всё более и более откровенными.

В одном из писем, не сразу и с оговорками, Себастиан признался, что у него есть женщина, с которой он встречается на постоянной основе. «Хотя, наверное, мои чувства к ней не так сильны, если вспомнить, что случилось между мной и тобой», – беспомощный и излишний комментарий. Юля приняла эту «новость» равнодушно, заверив Себастиана, что рада, что он не одинок.

В общем же вся эта ситуация затягивала их в никуда, поскольку практического пути её разрешения не предвиделось. Юлю как человека, предпочитающего эфемерным фантазиям конкретные действия и чёткие планы, эта неопределенность и отсутствие ответа на вопрос «Что же будет дальше?» не могли не раздражать.

Кроме того, временная разница была не в её пользу. Себастиан обычно писал ей поздно вечером, после своего возвращения с работы, где-то около полуночи по Лондону, что соответствовало 3.00 ночи по Москве. И вот Юля так ждала и жаждала его писем, что у неё постепенно выработался условный рефлекс, и каждую ночь она вставала, чтобы проверить почту. Юля перестала нормально спать, не могла ни на чём сосредоточиться, душевное равновесие постепенно покидало её, что усугублялось наступлением поздней осени с её промозглым холодом, слякотью и долгими тёмными сумерками.

В довершение всего этого кошмара – или как раз из-за него? – у Юли начались серьёзные проблемы на работе. Она ходила, как сомнамбула, и всё время думала о Себастиане.

Казалось, она уже не помнила точно, как он выглядел. Стеснялась ли Юля попросить его прислать ей своё фото или намеренно не хотела разрушать очарование образа, созданного в собственном воображении? В целом он представлял собой тип мужчины, всегда её привлекавший: высокий, худощавый, густые волнистые волосы зачёсаны назад. И очки – неприменный, в Юлином понимании, атрибут сексуальности мужчины. Больше она ничего особенного не запомнила – цвет глаз или, к примеру, форма его носа стёрлись из памяти.

В конечном итоге внешний образ Себастиана, каким Юля его мысленно составила, оказался некой замысловатой комбинацией черт самого Себастиана, молодого человека, которого она любила в студенческие годы, и... Лёшки, её собственного мужа. Впрочем, размытость визуального образа Юлиного далёкого любовника не мешала ей снова и снова очень живо, будто наяву, переживать тот момент, когда они сидели в пабе, и то, как он смотрел на неё тогда и позже прошептал свое «Да!!».

Сомнений у Юли не было: она крепко влюбилась. Любая песня о любви, тем паче – о любви несчастной, несущаяся из уличного динамика, наполняла глаза её слезами. А ведь Юля с некоторых пор своей биографии была очень жёстким

человеком.

В мокром саду осень забыла

Рванный платок желтой листвы.

Лучше бы нам встретиться было

За полчаса до весны.

Опозданием мы наказаны,

Что слова любви прежде сказаны,

Что совсем другим доверяли сны

За полчаса до весны.[3 - Некогда популярная песня, исполнявшаяся ВИА «Песняры».]

Бесконечно так продолжаться не могло, и Юля решила лететь в Лондон. Время предполагаемой поездки было выбрано так, чтобы можно было воспользоваться её старой полугодовой визой в Великобританию: срок действия истекал аккурат в середине февраля. Себастиан, казалось, был очень рад вестям о Юлином

предстоящем приезде.

Год подходил к концу. Он был нелёгким для Юлиной карьеры. Семейные и детские вопросы также потребовали много сил – как и в любой другой год, впрочем. Наконец, Юлино эмоциональное состояние было подорвано неожиданно свалившимся на неё чувством влюблённости. Впрочем, ожидание скорой встречи с возлюбленным окрыляло её, невзгоды были забыты, и Юля, в полном соответствии с традиционной нумерологией, собственным эмпирическим путем приходила к выводу, что тридцать шесть (а ей было тридцать шесть) – действительно, один из лучших возрастов.

Мысль о том, что совсем скоро, в начале февраля следующего года, ей стукнет тридцать семь – один из самых опасных возрастов, с точки зрения той же традиционной нумерологии – беспокоила Юлю лишь отчасти, ибо она намеревалась прежде сполна насладиться успешной реализацией своего проекта по поездке в Лондон на 4-5 дней, с единственной целью – увидеться с Себастианом.

Две новогодние недели прошли фантастическим образом! Они всей семьёй путешествовали по одной из экзотических стран Юго-Восточной Азии и в конечном итоге добрались до живописнейшего побережья Индийского океана. Там они провели незабываемые семь дней в просторном бунгало, отстоящем на некотором расстоянии от и без того не сильно развитой в той местности цивилизации. Купались в океане и играли на пляже. Днём покупали местные экзотические фрукты у живописно задрапированных разносчиц, изредка проходящих мимо их жилища. А вечерами отправлялись в облюбованный ими рыбный ресторанчик поблизости, чтобы полакомиться свежесвыловленной рыбкой и морскими деликатесами и поболтать с дружелюбным и гостеприимным хозяином о местных нравах и обычаях.

Порой, лежа на пляже под навесом из пальмовых веток и глядя на то, как её загорелый и мускулистый муж играет в океане с детьми, «выбрасывая» их с руки в воду или подсаживая на небольшой утёс, чтобы те могли с него спрыгнуть, Юля думала: «Господи, за что же мне выпало такое счастье! У меня есть вот это всё, эти самые дорогие для меня люди – Алёша, Ваня, Арина и Глаша. ...И вдобавок ко всему – Себастиан...»

Давно они с Лёшкой не занимались любовью так страстно и подолгу, как в эти дни, лишь изредка выглядывая в окно и убеждаясь, что дети по-прежнему играют на пляже или барахтаются в океане в пределах видимости.

Во время поездки доступа к Интернету у Юли не было, а приехав домой в середине января, она, как и ожидалось, обнаружила среди прочей электронной корреспонденции и тёплое новогоднее поздравление от Себастиана.

Между тем, побочным эффектом долгого отсутствия у Юли доступа к электронной почте явилось ослабление зависимости от писем Себастиана, что было как нельзя кстати. Так что она как минимум перестала вскакивать по ночам, хотя по утрам продолжала методично проверять почту. Себастиан, вероятно, тоже хорошо отдохнул в рождественские дни, и регулярность его писем снизилась до такой степени, что Юля, быть может, получала от него не более двух коротких посланий в неделю.

Проект, посвященный поездке в Лондон, развивался по плану. Семья была предупреждена о необходимости командировки и о том, что Юля проведёт в Лондоне еще и уикенд – «отдохну, схожу по магазинам...».

Рабочие вопросы подкопились за время Юлиного отпуска, перед поездкой предстояло также пережить собственный день рождения, но в общем после волшебного семейного отдыха и в преддверии не менее волшебного свидания Юля чувствовала себя воодушевлённой. Множество раз она воображала себе предстоящий момент встречи с Себастианом и готовила возлюбленному сюрприз, впрочем, слишком интимный, чтобы о нём здесь писать.

Примерно за неделю до предполагаемой поездки и дня за три до своей тридцать седьмой годовщины рано утром Юля открыла очередное письмо от Себастиана, пришедшее ночью, в котором он в несколько спутанной форме и ссылаясь на некие причины, но не объясняя их, предлагал встретиться где угодно, но только не в Лондоне. Он предлагал ей на выбор Париж, Брюссель или Лиссабон (он, дескать, оплатит стыковочный рейс), и даже (!) допускал возможность для него самого прилететь, скажем, в Санкт-Петербург, чтобы увидеть Юлю, тем более что та столько интересного рассказывала ему об этом городе. В конце письма Себастиан извинялся за «last minute change»[4 - Изменения в последний момент (англ.).] и просил Юлю ответить ему как можно скорее, чтобы он смог всё организовать.

Письмо его повергло Юлю в шок. Мечты, столь близкие к осуществлению, рушились на глазах. Несчастному инфантильному гражданину Бельгии и Европейского Союза, казалось, и в голову не приходило, что россиянке для посещения любой из перечисленных им столиц необходима шенгенская виза. А вот именно её-то у Юли в тот момент и не было!

Вариант же с Санкт-Петербургом она отмела сама. Причина тому, лежащая на поверхности, заключалась в том, что в России зима того года выдалась очень холодной, и Юля сомневалась, что Себастиан получит удовольствие от прогулок по тридцатиградусному морозу. Не будут же они заниматься любовью в номере гостиницы сутки напролёт!

Однако было и более глубокое соображение, которое трудно поддавалось формулировке, и в котором Юля на тот момент не решалась сознаться даже самой себе. Дело в том, что она-то как раз прекрасно понимала, что Себастиану для поездки в Россию тоже необходима виза. И внутренне опасалась, что если они договорятся встретиться в Санкт-Петербурге, а позднее на его пути возникнут какие-либо административные препоны, то ему будет легче отказаться и от самой идеи встречи, объясняя это непредвиденными и не зависящими от него обстоятельствами. Приходилось признать, что здесь, как и всегда и везде, Юля желала полностью контролировать ситуацию, из чего следовало, что совершать действия (получать визу, лететь и т.д.) должна была она сама.

Впрочем, в момент получения того самого послания от Себастиана все вышеперечисленные мысли роились у Юли в голове бессистемно, и по прочтении письма она впала в ступор, неспособная сходу выстроить алгоритм своих действий, которые отвечали бы новым условиям задачи. К тому же, она была немало оскорблена таким поворотом в его отношении к ней, какими бы там причинами он ни руководствовался.

Ох, эти мужские причины, эти замысловатые фантазии, рождённые в жалкой попытке объяснить, почему они, мужчины, не выполняют своих обещаний. Причины эти по наивности и неправдоподобию схожи со сбивчивыми объяснениями подростка, не выполнившего домашнее задание. Как любим и ценим мы, женщины, когда мужчина честен и конкретен в своих комментариях относительно «причин»: застрял в пробке, проспал, не хотелось, не пустила жена.

Но как только «причины» усложняются: «болел и поэтому не смог приехать» (вы когда-нибудь видели, чтобы мужчина отказал себе в удовольствии, даже если болеет? а может, «удовольствие» перестало быть таковым?), «сложный проект» (при этом ничего конкретного о природе сложностей) или же просто «были важные причины» (когда лень выдумывать или нет на это времени), – услышав такие объяснения, милые дамы, бегите от мужчины без оглядки. Если только Вы не любите его больше жизни и не готовы допустить малую вероятность действительного существования уважительной причины. Или если Вы не думаете, что сможете исправить, «починить» партнёра или ситуацию. Да ничто тут обычно не чинится, только порой понимаем мы это слишком поздно!

Итак, Юля не знала, как ей реагировать на письмо Себастиана. И потому замолчала и затаилась, не отвечая вовсе. Так тянулся день, другой и третий, причём Себастиан бомбардировал её тревожными вопросами («Получила ли ты мое письмо?», «Почему ты молчишь?», «Напиши, пожалуйста») сначала по личной почте, а потом и по рабочей.

Наконец, Юля очнулась и написала ему, предложив срочно созвониться. Одновременно она начала в спешном порядке собирать документы на французскую визу, ибо сроки её получения были наикратчайшими по сравнению со всеми прочими вариантами. С приложением известных усилий и при удачном стечении обстоятельств можно было рассчитывать на то, что виза будет ей выдана в аккурат за день до планировавшегося ранее дня поездки.

Юлин день рождения прошёл, как в кошмарном сне: утром она ездила подавать документы во французский визовый центр, потом что-то закупала в супермаркете по соседству с офисом, чтобы «проставиться» перед коллегами, потом ждала звонка от Себастиана... А ведь существовала еще и работа.

Он позвонил во второй половине дня. Юля сообщила ему, что решила получать французскую визу и, таким образом, если всё пройдет удачно, они смогут встретиться в Париже. На что он довольно вяло заметил, что, поскольку она не отвечала все эти дни и никак не информировала его о своих намерениях, его планы тоже поменялись, и теперь он не уверен, смогут ли они вообще встретиться в оговорённые ранее дни.

Юля была ошеломлена: столько усилий, и всё – напрасно! Однако формально Себастиан был прав: она, действительно, хранила молчание все те дни, когда он настойчиво просил её откликнуться. В конце концов, то ли от разочарования, то ли от того, что впервые за много месяцев она снова услышала его голос, Юля разрыдалась. Он тактично выразил сожаление и пообещал, что со своей стороны посмотрит, что можно было бы сделать, чтобы они всё же могли встретиться. На этом они попрощались.

В таком настроении входила Юля в свое тридцатисемилетие...

Прошло два дня, а от Себастиана не было ни слуху, ни духу. Между тем, приближался предполагаемый день поездки, билеты «Москва-Лондон-Москва» давно уже были обменяны на «Москва-Париж-Москва». Французский визовый центр не подкачал, и виза была выдана в срок, о чём Юля и уведомила Себастиана смс-кой за день до вылета. В ответ – не сразу, впрочем – пришло сообщение, что, к сожалению, он не смог внести необходимые коррективы в свои планы и, таким образом, им не удастся встретиться в назначенные дни. «Я очень сожалею».

Вечером Юля без сил доплелась до дома, кинула в ящик комода загранпаспорт с некогда столь возжеленной, а теперь – более не нужной французской визой («Только предпоследнюю чистую страницу паспорта испортила, придётся новый получать»), вяло пообщалась с семейством, пожаловалась на плохое самочувствие, а оказавшись у себя в спальне – упала на кровать и прорыдала всю ночь.

Наутро она сделала то, чего не делала уже много лет: попросила совета у подруги. Позвонила ей и всё в слезах рассказала. И услышала свежий и нетипичный взгляд на произошедшее, который её – вот уж действительно! – несколько взбодрил: «Юлёк, тебя что – первый раз в жизни кинул любимый человек? Ну так добро пожаловать в мир реальности! Ну влюбилась, ну и что? – ты тем самым обогащаешь прежде всего себя! Но никто не обязан нянчиться с твоими чувствами или отвечать тебе взаимностью. Влюбиться – это право каждого, но оно не налагает никакой дополнительной ответственности на противоположную сторону. Давай, Юлька, успокаивайся там, не куксись и продолжай наслаждаться своим чувством, пусть и неразделённым».

Юля была ошарашена новизной подхода. Была ли это своеобразная шоко-психотерапия или Алька её и вправду так думала и применяла аналогичный

подход, когда влюблялась сама, – это так и осталось для неё загадкой. Но суть Алькиной «терапии» была ею усвоена и состояла примерно в следующем: любимые мужчины иногда «кидают», это происходит так часто, что уже становится «нормальным», происходит со многими, и никто от этого ещё не умирал.

Через неделю или чуть более того пришло письмо от Себастиана, где он ещё раз выражал сожаление в связи с тем, как неудачно всё сложилось с их так долго готовившейся встречей. «Когда я не получил от тебя никакого ответа на свои предложения, я подумал, что ты не приедешь, и тогда пообещал своему сыну, что проведу эти дни с ним. Ты должна меня понять, у тебя ведь у самой есть дети. Надеюсь, ты не обижаешься на меня». Ну что Юле было с ним делать? – объяснять, что если бы он не менял планов, то не последовало бы и никакого недопонимания?

Оправдания Себастиана напомнили ей старый анекдот, в котором кредитор, несколько дней кряду посещающий дом должника и неизменно находящий в двери записку «Приходи завтра», в конце концов пропускает один день. А придя к должнику на следующий, видит уже новое послание: «Приходи вчера». Если всё время манипулировать партнёром и совместными планами, думала Юля с горечью, то рано или поздно обязательно представится возможность свалить всю вину за нереализованный совместный проект (пусть даже и любовный, какая разница?) на партнёра. Таким образом, она отнеслась к последнему письму Себастиана как к продолжению «кидалова» и не стала ничего отвечать.

Между тем, Юлина жизнь текла своим чередом. И именно в эти нелёгкие дни Господь ниспослал ей утешение, привнёсшее лучик иного, истинного света в её жизнь. Юля сделалась крёстной мамой маленькой полугодовалой девочки, которая стала ей очень дорога.

Кто из них двоих был более нужен другому в тот момент – Юля, разделившая ответственность за будущее этой крохи с её родителями, или малышка, озарившая Юлино насквозь греховное существование радостью новой жизни и растормошившая её несколько заветрившиеся материнские чувства, разбудившая желание оберегать и защищать крохотное невинное существо, – кто кому был нужнее, это вопрос. Однако появление в Юлиной жизни этого ребёнка, так же, как ранее – появление её собственных детей, заставило Юлю заново переосмыслить свои жизненные приоритеты и ценности. Нечто, когда-то

называемое ею «любовью», вскоре было понижено рангом до разряда «интрижка», а истинная любовь в её очищенном понимании приобрела оттенок вселенского чувства любви к ближнему.

Так материнская природа женщины всегда – или почти всегда – побеждает её животную сексуальность, и если не подавляет последнюю, то возносит её на такую высоту, когда женщина и в отношениях с любым мужчиной чувствует себя всевластной госпожой, а не зависимой рабыней. И потому, как бы мужчина ни повел себя с ней, «кинуть» женщину ему по определению не удастся, ибо главный плод, главная для женщины награда в этих отношениях – её ребёнок – остаётся с ней.

Если же развивать и обобщать эти размышления далее, то можно прийти к выводу, что ребёнок для матери – не меньшая защита, чем она для него. Да, мать защищает своего малыша от воздействия неблагоприятных внешних факторов, учит его адаптироваться к требованиям общества, прививает, по мере собственной способности, нормы морали. Но порой кажется, что психика у любого ребёнка, те самые пресловутые «нервные клетки, которые не восстанавливаются», покрепче будет, чем у нас, взрослых. Недаром же дети склонны быстрее прощать и забывать плохое.

Ребёнок, благодаря своей открытости и непосредственности, способен создать для матери своеобразный эмоциональный защитный барьер. А та, в свою очередь, чувствуя долгосрочную ответственность за жизнь и здоровье сына или дочери, часто отодвигает на второй план собственные эмоциональные потрясения, какими бы сильными они ни были. Она слышит инстинктивный зов материнства и вынуждена – хочет она того или нет – выполнять вполне конкретные, регулярные, часто монотонные, но не терпящие отлагательства шаги, – спасительная рутина!

Иногда мне кажется, что, когда у моих дочерей появятся их собственные дети, я стану чуть меньше беспокоиться за них самих и за их женскую судьбу, ибо сама ответственность за детей будет удерживать их от необдуманных поступков и эмоциональных срывов, а инстинкт самосохранения усилится благодаря осознанию своей нужности и незаменимости для маленького, беспомощного существа. Впрочем, моя собственная мама утверждает, что с появлением у меня детей она не стала меньше беспокоиться обо мне самой.

Встреча вторая, Париж

Французы тоже бывают щедрыми, особенно когда им это ничего не стоит. Вот и в этот раз они не поскупились и выдали Юле многократную шенгенскую визу аж на три месяца. Путешествуй – не хочу!

И с этой визой ведь нужно было что-то делать: народные предания гласят, что если визу не используешь, то в другой раз могут и не дать. А Юля не может себе этого позволить: в Европу она должна время от времени ездить по рабочим делам.

По вышеуказанным соображениям в начале апреля она волей-неволей засобиралась в Париж, хотя никто её там не ждал. Но, в конце концов, стоило освежить впечатления молодости, ибо в первый и последний раз до того она была в Париже лет за пятнадцать до описываемых событий, когда они с Лёшкой совершали короткий вояж по Европе сразу после своей свадьбы. Ну а пересадка в «Шарль-де-Голле» на рейс в Лиссабон несколькими годами позже – конечно же, не в счет.

Собственно, та поездка во время «медового месяца» и дала начало семейному увлечению коллекционированием сувенирных тарелок из разных городов. Тогда они с Лёшкой привезли их с полдюжины из различных европейских столиц, а теперь на стенах их просторной квартиры красуется больше трех сотен тарелок всевозможных цветов, форм и размеров, представляющих, говоря по-научному, «широкое географическое покрытие». Лёшка ворчит, когда приходится вкручивать очередной шуруп в стену: «Вот если бы на этой тарелке лежал хороший кусок мяса! А так – нафиг нам эти тарелки, если в доме обычно жрать нечего?» И правда, Юлин грех – готовить она не любит и не умеет.

Ну вот, «Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу...» Юлин нехитрый скарб брошен в малюсеньком, но уютном номере на третьем этаже дешевой гостиницы недалеко от площади Республики, она належке. В её сумочке – путеводитель и «Собор Парижской Богоматери» Гюго, который она собирается читать прямо на площади перед оным.

Она обожает такое вот «концептуальное» времяпрепровождение – чтение какого-нибудь всемирно известного литературного произведения именно в той

точке Земного Шара, где происходит действие книги.

Так, «Сказки Альгамбры»[5 - Здесь и далее приведены следующие произведения следующих авторов: «Tales of the Alhambra» Вашингтона Ирвинга, «Burmese Days» Джорджа Оруэлла, «Кристин, дочь Лавранса» Сигрид Унсет, «Смилла и её чувство снега» Питера Хега, «Это я, Эдичка» Эдуарда Лимонова.] сопровождали её в поездке по Гранаде, с заездом по пути в Севилью и Кордову. А «Бирманские дни» жарились вместе с ней под палящим... январским солнцем Нгапали, и стройные красавицы мьянмарки[6 - Мьянма – современное название Бирмы.] проплывали мимо в точно таких же длинных юбках-«лаунжи», что они носили в описываемые Оруэллом времена. И так же грациозно, как и сто лет назад, эти девушки несли на своих головах без всякой поддержки – не считая скрученных жгутом специальных полотенец, положенных на темя ровным круглым валиком – огромные блюда, наполненные горами экзотических фруктов.

«Кристин, дочь Лавранса» намочила под проливным дождем (ай-ай-ай – чужая книга!) в древней столице Норвегии, Тронхейме, пока Юля выискивала статую крестителя древних норвегов и гутов Олафа Святого Толстого (четвертый слева) на фасаде старинного, небывалой красоты, собора. Окончательно же высушить обложку удалось только в ганзейском Бергене (между прочим, в свое время перенявшем звание столицы у Тронхейма, но позднее уступившем это звание Осло), когда солнечным полуднем Юля, пренебрегая фуникулером, пешком взобралась на крутую гору Флøyен и потом наслаждалась заслуженным отдыхом и панорамой бухты, открывавшейся со смотровой площадки.

А «Смиллу» пришлось резко захлопнуть и убрать в сумку, когда к ней, мирно отдыхающей на газоне в хипповской Кристиании, где вечный праздник и дым коромыслом, подвалил не иначе как обкурившийся местный житель, по виду – арабского или индийского происхождения, и настойчиво вопрошал, не туристка ли она. Говорят, они не любят туристов, а там кто знает, что он имел в виду. Может, просто познакомиться хотел.

– Нет, я не туристка, – Юле пришлось повысить голос, убрать книгу (заметил он, что ли, что она на незнакомом ему языке?) и покинуть насиженный клочок газона, чтобы не создавать поводов для конфронтации. Вообще, правила поведения чужаков в копенгагенской Кристиании в путеводителях для туристов (а она всё же была туристкой, как ни прискорбно признаться во лжи) описаны недостаточно подробно, чаще на карте просто отмечены границы этого государства в государстве и даны настоятельные рекомендации обходить его

стороной.

И, наконец, вспомнилось ей, как вместе со страдающим от безответной любви Эдичкой меряла она вдоль и поперек нью-йоркские стритс и авеню, отдыхала на ступенях фонтана на Вашингтон-сквер, освежив усталые ноги в его бассейне, а то – валялась на изумрудной траве Централ-парка.

Но вернемся в Париж. У Юли куча времени. Она прилетела в среду утром, а улетает только в воскресенье. Так что, учитывая, что в этот раз её не интересует шопинг, а в заведения общепита она заглядывает только для того, чтобы быстренько выпить чашечку кофе, к вечеру пятницы она успевает обежать весь город. Сначала вдоль, потом поперёк. Ведь Париж не так уж и велик! Вдобавок – удалось смотаться в Шартр (бешеной собаке 80 км не крюк) с его знаменитым собором и не менее знаменитым лабиринтом, выложенным в полу того собора. Вернуться оттуда, бережно прижимая к груди тонкой работы тарелочку.

Вообще-то, про шопинг мы немного покривили душой. Пробегая в окрестностях Grand Opera, Юля заглядывает в дорогущую и бестолковую Galeries Lafayette и «западает» на замечательные часы неизвестной ей марки Louis Pion, представляющие собой стеклянную «луковицу» в золоченой оправе и на золоченой же массивной цепочке. Внутри стеклянного корпуса виден весь работающий механизм: пружинки, колесики, шестеренки. Всё тикает, всё в движении. Ну очень хочется заполучить такие часики для деловых встреч! Но цена «кусается» – 250 евро. И тем не менее, вожделенные часы достаются Юле за 200 евро благодаря какой-то акции.

Она идет по Парижу и размышляет, не надули ли её коварные французы. Но присутствие фирменного бутика Louis Pion на Елисейских Полях и наличие в нем таких же часиков с такой же скидкой по аналогичной акции как-то успокаивают её. Последовательность и единообразие всегда оказывали благотворное влияние на Юлину мятущуюся душу. «Пусть безобразно, но единообразно!» – говаривал один из любимейших её боссов.

И вот так она носится по Парижу и окрестностям и сама себе стыдится признаться в том, что единственная цель этого бесконечного марафона состоит в том, чтобы, оказавшись одинокой в этом городе любви, не чувствовать себя таковой. И желательно не вспоминать историю о том, почему она здесь оказалась.

И все же к вечеру пятницы, когда время Юлиного пребывания в Париже переваливает за «экватор», а большинство запланированных маршрутов пройдено, её охватывает уныние. Она болтается уже почти бесцельно по острову Сен-Луи, где домовладельцы – все *cr?me de la cr?me* французского, а порой и мирового, сообщества. Ей спокойно тут: кварталы напоминают не туристический центр, а скорее – самодовольную зажиточную провинцию. Заходит в кафе, там сидит парочка. Они просто разговаривают, но он смотрит на свою подругу так... Юле это что-то напоминает, этот взгляд. Сердце щемит и ... и она выкатывается из кафе, как сумасшедшая, едва заплатив по счету.

Перебегает рукав Сены, огибающий остров справа, по мосту Луи-Филиппа, оказывается в квартале Маре. Поворачивает направо на Rue Francois-Miron к площади Бастилии, проходит мимо особняка, в котором останавливались отец и сын Моцарта, когда чудо-ребенок давал концерты в Париже во время своего европейского турне.

Идет, почти не глядя по сторонам, пока в одной из витрин... Юля даже пытается протереть глаза. На манекен натянута лиловая футболка, а на той – крупно, по всей груди, вышито стразами «I'm Waiting for You». Вот он, секрет её боли, ответ на её тайный, самой себе незаданный вопрос: что, черт возьми, она делает в этом городе? I'm waiting for you! Сказать ему это, и будь что будет!

Маленькая площадь Вогезов. «Кто они такие, эти вогезы?» – спрашивает она сама себя и немедленно воображает веселых смешных человечков, наподобие гномов, будто бы населявших когда-то эти места.[7 - Площадь Вогезов (фр. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B79> Place des Vosges) – самая старинная площадь Парижа. Расположена в квартале Маре и представляет собой правильный квадрат со сторонами по 140 метров. До 1799 г. называлась Королевской (фр. Place Royale). Нынешнее название получила в честь жителей департамента Вогезы, которые добровольно стали выплачивать взносы на содержание революционной армии. (Источник – Википедия).] От этой выдуманной сказочной картинке Юле становится чуть легче, чуть проще, чуть свободнее. Она опускается на скамейку и набирает смс-ку: «Привет из Парижа! Твоя идея насчет моего приезда сюда была просто грандиозной!». Ответ приходит очень быстро: «С кем ты в Париже?» – «С путеводителем» – «Как долго пробудешь?» – «Улетаю послезавтра». И наконец, он раздражается обещанием: «Я напишу тебе завтра». Ну да, конечно, чего же ещё следовало ожидать? Он, видите ли, напишет ей завтра, а послезавтра в первой половине дня она – au revoir – должна улететь. Зачем нужны все эти письма завтра?..

Юля продолжает сидеть на скамейке в глубокой задумчивости, в то время как на улице заметно потемнело. Подошел сторож и сообщил, что площадь Вогезов... оказывается, закрывается. Она никогда не думала, что площадь может вот так – ррраз! – и закрыться на ночь, но поскольку вся площадь – это маленький, аккуратный квадратный парк (парчок!), окруженный по периметру невысоким – от честных людей – забором, то вот именно этот парк, собственно, и закрывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нарциссы

(У.Вордсворт, Перевод И. Лихачева)

Печальным реял я туманом

Среди долин и гор седых,

Как вдруг очнулся перед станом,

Толпой нарциссов золотых:

Шатал и гнул их ветерок,

И каждый трепетал цветок.

2

Замок Стирлинг – один из древнейших и красивейших замков Шотландии – расположен на вершине потухшего вулкана.

3

Некогда популярная песня, исполнявшаяся ВИА «Песняры».

4

Изменения в последний момент (англ.).

5

Здесь и далее приведены следующие произведения следующих авторов: «Tales of the Alhambra» Вашингтона Ирвинга, «Burmese Days» Джорджа Оруэлла, «Кристин, дочь Лавранса» Сигрид Унсет, «Смилла и её чувство снега» Питера Хега, «Это я, Эдичка» Эдуарда Лимонова.

6

Мьянма – современное название Бирмы.

7

Площадь Вогезов (фр.

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7>

Place des Vosges) – самая старинная площадь Парижа. Расположена в квартале Маре и представляет собой правильный квадрат со сторонами по 140 метров. До 1799 г. называлась Королевской (фр. Place Royale). Нынешнее название получила в честь жителей департамента Вогезы, которые добровольно стали выплачивать взносы на содержание революционной армии. (Источник – Википедия).

Купить: https://tellnovel.com/ru/ul-yanova_ol-ga/uroki-himii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)